

Катя Зазовка

Нечистик

Катя Зазовка

Нечистик

«Автор»

2026

Зазовка К.

Нечистик / К. Зазовка — «Автор», 2026

В средневековой деревушке вот уже четыре седмицы происходят странные вещи: то дети пропадают, то скот. Домой возвращается лесничий Гурка. Его дочь Лада как и все селяне верит, что толковый батька сумеет выявить, что же за злодей лютует в родных местах. Да только, видать, у Макоши на деревню иные планы...Моя первая история, написанная еще в начале 2010-х. Недавно я ее отредактировала и решила выложить на этом портале в качестве дебюта.Надеюсь, что "Нечистик" найдет своего читателя.

© Зазовка К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Долгожданное возвращение	5
Глава 2 Происшествие	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катя Зазовка

Нечистик

Глава 1 Долгожданное возвращение

Даже в солнечном свете приземистая хата ведьмака казалась почти черной. То ли оттого, что хозяин ее с нечистиками знался, то ли для того, чтобы даже звери ее стороной обходили. И они обходили, и люди тоже. Но если первые из уважения, то человек из страха. Человек ведь всегда боится того, чего понять не может.

– Ка-а-ар! Ка-а-ар! – позвала ворона, неуклюже опустившись на ветку у самого окна.

– А, это ты, ну влетай, – откликнулся из избы тихий голос.

– Ка-а-ар! Ка-а-ар! – настаивала птица.

– Я ж пригласил тебя.

– Ка-а-ар!

– Да, что случилось-то? – к раскрытому окну подошел крепкий зрелый мужчина. Он заправил за уши выбившуюся, давеча остриженную прядь черных волос. Мужчина был красив, но какой-то необычной, неземной красотой. Такие с ума сводят. От таких бегут, таких боятся. Таких или любят, или ненавидят – иного не дано. Его кошачьи глаза ждали ответа.

– Ка-а-ар! Ка-а-ар! Ка-а-ар!

Ворона рассказывала торопливо, сбивчиво, многое оставалось неясным. Но ведьмак слушал не перебивая. А потом, обратившись огромным коршуном, воспарил над хатой и вмиг исчез в облаках. Какое-то время он кружил над селом, что-то выискивая, пока, наконец, на границе деревни и леса не обнаружил то, о чем говорила крылатая вестница. Молотом вниз устремился коршун, что-то подхватил с земли и резко взметнулся в небо. Мощные лапы сжимали в когтях хрупкую жертву. Это был мальчик, совсем крохотный. Ребенок находился в беспмятстве. Бледное и холодное личико не ощущало ни ласк ветра, ни весенней нежности. Достигнув крон деревьев, под которыми пряталась черная хата, ведьмак спустился на землю и снова принял человеческий облик. Он внес ребенка в избу и положил на лавку. Ворона все еще сидела на ветке.

– Благодарствую, Каруша. Приметишь еще, обязательно сообщи, – в знак признательности мужчина протянул птице большой кусок свежего мяса, который та с трудом понесла в клюве.

Хрупкая Лада бесшумным мотыльком пробиралась сквозь редкий лесок. Свежий ночной воздух с каждым шагом трезвил все больше. Новорожденные листочки, плотно сидящие в ветвях, еще не шумели под натиском непоседливого ветра. Вспомнив на миг о сладких поцелуях Малка, девица тут же мысленно поблагодарила темноту, которая умело скрыла запылавшие щеки. Лада знала, что юноша внимательно следит за своей возлюбленной, пока та не окажется вблизи отчей хаты. Оберегает! Замуж взять собирается. Только вот бы чувства проверить, а то ведь одни обещания и дает. А их легко и не сдержать, обещания-то, когда заступника нет – отец еще с похода не вернулся, а братья все – мал мала меньше. Ножки в красных сафьяновых сапожках продолжали бесшумно мять весеннюю поросль. Только бы мамка не узнала, что дочь снова нарядную обувь одевала, да гарсет¹ на рысьем меху. Ничего, малыши уже спят, Лада тихонько проберется мимо женщины, устало задремавшей у прялки...

Из-за деревьев выглянула добротная бревенчатая хата. Все окна заливал свет. Сердце прошибла острая неприятная мысль – что-то случилось. Даже если мамка не уснула – в хате бы горела всего одна лучина, чтоб малышей не разбудить да нечистиков не привлечь. Тут же

забыв о возможном нагоняе, Лада припустила к дому изо всех сил. В голове успел пронестись рой догадок – одна другой страшнее.

Впорхнув на крыльцо, девица вбежала в сени, а оттуда – в избу. И стала как вкопанная.

В центре светлицы разместился дубовый стол, во главе которого, непривычно для глаз сидел отец. За столько лет девица успела подзабыть любимые черты. Высокий и статный черноволосый мужчина, усмехаясь такими же синими как у Лады очами, покручивал темный ус и внимательно вглядывался в сильно повзрослевшую дочь. Рядом утирала слезы счастливая мама – дождалась любимого мужа. Малышня весело щебетала вокруг, катая по полу блестящие медяки, видать, из княжеского жалования за годы верной службы. Отец и раньше деньги семье с гонцом посылал, потому и нужды не знали. Девичья память постепенно восстанавливала стертый образ. Но оставалось все еще что-то неразгаданное, что-то новое, что-то, что делало мужчину менее пригожим, чем он мнился Ладе когда-то. И дело было вовсе не в выбеленных сединой за войну висках.

– Отец! Родненький! Вернулся! – девица бросилась в крепкие объятия. Мама расплакалась пуще прежнего. Наконец, вся семья вместе. Теперь жизнь войдет в былое русло. Приятное чувство защиты и спокойствия разлилось по телу.

– Лада, как же ты выросла! Ну-ка, покажись во всей красе! – скомандовал подзабытый звучный мужской голос. Девица выпрямилась, закинув за спину тугую косу цвета спелой пшеницы. Немного робея, она машинально сжимала висающие на шее деревянные бусы – подарок Малка.

– Когда уезжал, бегала бойкой девчушкой, вернулся – а цыплене в жар-птицу превратилось. Хороша, девка! Поди, и жених уже сыскался? – чуть улыбнулся отец. А Лада, снова покраснев, уставилась на носки своих сапожек.

– Как же, не сыскался? Сыскался. Малк, мельников сын, – выдала сердечную тайну мать. – Сядь, Лада, поешь, да отца займи, а я детвору спать уложу.

– Нет, мы не хотим спать, – зевая, заверил старший сын, семилетний Юраська.

– Да, не хотим, – хором поддержали брата младшенькие, близнецы, с которыми отец только сейчас познакомился.

Почти шесть весен миновало, как отца Лады, лесничего и первого стрелка на деревне призвали на службу к князю, идти в поход на татар. Долгими были проводы: безутешно плакала жена Ядя. Кто ж поможет ей-то беременной с дитями малыми, когда старшая дочка только девятую осень встретила? Кто ж мужа убережет от лиха да Паляндры² кровожадной? Да, ничего вот справилась – и детей подняла и хозяйству в упадок прийти не позволила. Да и все еще одной из первых красавиц на деревне считалась. Светлоокая, белолицая, без единой морщинки. Даже стан был все еще по-девичьи стройный. Сельчане нередко с дочкой путали. Пока мужа ждала, к ней дважды сватались, да только она женой верной оказалась – никого даже на порог не пустила.

– Отец, а страшно было, там, на войне? – затаив дыхание, спросила Лада, рассматривая отца в упор. Все в нем вроде казалось прежним, даже усы и те длиннее не стали, но все-таки что-то стало иначе.

– Поначалу-то да, жутко – для меня ж впервой все это. А потом – ничего по привычке. Много там, таких как я, воевало, да не все так ловко стреляли. К тому ж, сам воевода меня ценил, не раз говорил: «Никто, кроме тебя, Гурка, во всем воинстве нашем так хорошо следы едва заметные в пыли различить не умеет, болота-топи мертвые обойти, да по запаху ветра расстояние до вражеской орды высчитать». Вот почему он одного меня из всей деревни нашей-то и отобрал. Да Олелько из соседнего села. Потому я жив остался, да товарищей боевых не раз спасти успел. Татары, они, что душой кривить, воины знатные да безжалостные.

– Ой, батенька, а мурзы – страшные такие, как дядька Андрусь рассказывал?

– Да нет, они навроде нас с тобой, только кожа их желтая, глаза узкие, мечи кривые – саплы зовутся, – как сказал о коже, так Лада и поняла, что изменило отца. Лицо его раньше беленькое, как у молодухи было. Даже Ядя над ним не раз подшучивала, мол, никак втайне огурцом белит. А теперь красным стало.

Заметил Гурка на себе внимательный взгляд дочери, да сам и упредил, зреющий в устах, вопрос:

– Что, изменился? Да, не тушуйся, не отводи очи. Было и я в полон попал. Под конец войны это случилось. Меня, Богуша, да Олельку князь вперед воинства на разведку послал. Да мы по недомыслию в засаду угодили. Богуша сразу пришибли, а нас с Олелькой терзать стали. Мурзы, они на пытки умелые. Обхватили ноги веревкой крепкой (у нас и нет таких – тонкая, легкая, а прочней цепей будет) да и подвесили на дерево вниз головой. И под каждым махонький огонек распалили. Совсем скоро вся кровь в голову перелилась, в висках застучало, взор помутнел. Олелько тот долго не сдюжил – помер. И я сознание терять стал, да огонь проклятый забыться не давал. А мурзы все выпрашивали: «Где князя лагеря разбила? Сколько конницы?» Я молчал, пока мне совсем худо не сделалось. А потом и забылся в благодати серой. Очнулся уже на земле – князь понял, что схватили нас и послал на выручку дружинников. Те всех татар в засаде перебили, а главного вместо меня на дерево подвесили. Тот пытки не осилил – и все выдал. Правда, дружинник Алтам его все равно забил. После того случая у меня лицо так красным и осталось.

– Гурочка, родной мой! Сколько ж тебе там выдюжить пришлось? Никак сам Кара³ уберег! – вполголоса запричитала подошедшая мамка. Лада тоже заплакала. Женщины в четыре руки обнимали своего долгожданного кормильца, пока тот не оттолкнул их:

– Ну, будет вам сырость разводить! Я ж вернулся. Другие и пострашнее увечья получили: Ваньке ногу отрезали, так он потом и вовсе от гнивицы помер, Гришка ока лишился, кому-то руку оторвало, да почитай каждый уже не тем, что прежде стал. А сколько наших мужей и вовсе полегло, – тягостная тишина повисла в сенях.

– Ой, Гурка, а что ж ты не ешь-то ничего? иль невкусно? – захлопотала вокруг мужа Ядя.

– Давеча с товарищем на постоялом дворе в соседнем селе вечеряли. Сголодались по домашним яствам, точно коршуны набросились. Покуда все миски не вычистили, не уgomонились. До сих пор дурно, – он похлопал себя по животу. – Завтра ребянтню побалуешь. А сейчас спать пора. Немного подремлю да в лес пойду, порядок наводить.

– Отдохнул бы как следует, выспался. Только ж вернулся, а уже за работу хватаешься, – заволновалась Ядя.

– Не могу я. Лесничий я иль нет? Ещё в самом Турове до меня слух дополз, что в наших краях волков тьма развелась, скотину забивают, даже дети пропадать стали.

Мать с дочкой только кивнули. Вот уже как четыре седмицы в деревне да и соседних селениях, что к лесу прилегают, начала животины пропадать, причем ночью из домов да хлебов, а то и вовсе дохла ни с того ни с сего. Недавно у Марьяны-вдовицы пятилетняя дочка исчезла, а в соседней деревне аж четверо малышей. Сначала люди в лес снарядились, вооружились, как могли, день и ночь искали – никаких следов. Правда, полностью лес прочесать не смогли – опасно – тут да там болота непроходимые. А места топкие хорошо только Гурка да проклятый ведьмак и ведали. Хвала богам, вовремя лесничий вернулся!

Лада проснулась рано: солнце еще не выкатилось из-под земли, но уход отца все равно не застала. Раньше он часто брал дочку с собой, она тоже лес неплохо знала и, когда детей искали, даже проводницей была, но с отцовскими знаниями да умениями тягаться и близко не могла. Лада оделась, умылась. А потом поняла, что как-то уж слишком тихо в хате, да огонь в печи не горит – неужто мамка еще не встала? Обычно Ядя поднималась до зарницы. К тому же мужа проводить собиралась.

Девушка вошла в родительскую опочивальню. Воздух там словно загустел от поселившейся болезни. Даже дышать приходилось чаще, чтобы легкие наполнились. Женщина спала.

– Уже утро, – Лада легонько затрясла мать за плечо. Та тяжело перевернулась и с трудом раскрыла мутные очи.

– Худо, мне что-то Ладушка, захворала, видать. Я полежу немного, а ты сама похозяйничай, малышей покорми, – прошептала пересохшими губами бледная Ядя и снова провалилась в сон.

Лада постояла еще мгновение в нерешительности – как бы мамка ни болела, но на ноги всегда поднималась, хоть еду, а все равно сама готовила. Как бы чего серьезного не случилось с ней. А то вдруг эта необъяснимая хворь с домашней скотины на людей решила перекинуться? Но их-то животину, хвала Велесу⁴, пока лихо одноглазое⁵ не трогало. Как же тогда хворь ползти на мамку смогла? Только Перун⁶ ведает, что тут творится. Девушка потрогала лоб женщины, но тот не был горячим, напротив, скорее напоминал студеную воду. Странно. Что же делать-то? Отца искать бесполезно, он наверняка далеко в лес ушел. Если так и дальше будет, придется к знахарке идти. «Подожду до полудня», – решила Лада.

Девушка быстро справилась с утренними заботами – скоро вся малышня умылась, оделась и наелась. Благо готовить не пришлось – с вечера осталось. Ближе к полудню Ядя встала с постели, чему малыши и Лада невероятно обрадовались. Женщина все еще чувствовала слабость, но уже могла ходить. Однако девушка, опасаясь за мамку, прекрасно справлялась со всем сама. Лада с детства росла расторопной и смысленной. Ее смекалке поражался даже староста: еще девчонкой она обставила в счетоводстве всех его взрослых сыновей, которые учились в самом Турове. Девушка всегда была жадной до знаний и черпала их везде, где только могла. И когда отец ушел в поход, она стала надежной правой рукой для матери. Та никак нарадоваться не могла умелой и шустрой дочке.

– Благодарствую, Лада. Какая же ты у меня умница. А может тебя и вправду сама Макошь⁷ при рождении поцеловала? – с трудом улыбнулась Ядя. Девушка залилась румянцем – мать редко ругала, но хвалила еще реже. Закинув тяжелую косу за спину, Лада продолжила хлопотать по дому. Видя, что мамке становится все лучше, у девушки уже в который раз за день пронеслась мысль – вот бы отец вернулся пораньше, тогда бы она успела с Малком встретиться, рассказала бы ему про войну, про татар, про пытки.

Вечером пастушок пригнал коров. Отец возвратился, как и обещал только после наступления сумерек. К тому времени Ядя совсем выздоровела и мужу на стол накрывала сама. К возлюбленному Лада сбегать не успела. Лесничий снова вечереть не стал – в лесу подстрелил кролей, из одного там похлебку сварил, ещё двух домой принес. Ядя не стала мужа бабской обидой расстраивать. Вернулся – вот и добре.

– Отец, ты нашел что-нибудь в лесу? Следы какие? – спросила Лада, когда вся малышня уже уснула.

– Да. Кое-что странное. Одно могу сказать не волки это скотину да детине воруют.

Мать суежилась, пряча нетронутую еду, внимательно слушая разговор.

– А кто ж тогда?

– Рано пока говорить об этом – надо до конца разобраться.

– Ну, скажи, пожалуйста, ты ведь меня знаешь – я тайны хранить умею.

– И от Малка утаишь? – подначил Ладу отец.

– Чтоб меня земля взяла, – вдохнула нерушимость в свое обещание девушка. Гурка только хитро посмотрел на дочку.

– Вот что я в глуши лесной обнаружил, – мужчина положил на лавку небольшой полотняный сверток, внутри которого, что-то металлически брякнуло. Отец ловко развязал хитро-

умный узел, и на светлой тряпице засияло семь острых ножей, инкрустированных костью. К лезвиям кое-где пристала земля.

Лада и подошедшая поближе Ядя ахнули в унисон.

– Да... – просмаковал слово Гурка и тут же звонко шлепнул потянувшуюся к ценной находке руку дочери.

– Ай, ты чего? – обиделась девица, потирая покрасневшую кисть. Мать укоризненно посмотрела на мужа.

– Их нельзя трогать голыми руками! Не поняли? – удивился отсутствию прозорливости домочадцев мужчина. – Ножи в земле торчали!

Видя, что бабы все еще ничего не поняли он, вздохнув, принялся объяснять:

– Это значит, что где-то в округе волколак⁸ бродит! – пропустив ужас жены и замешательство дочери мимо ушей, Гурка продолжил. – К тому ж, я ножи забрал. Он воротится на сокровенное место, а перекуляться, чтоб вернуть человеческий облик, нет через что! Так и будет зверем рыскать.

– Стало быть, надобно только найти, кто в деревнях из взрослых днем пропал! И мы поймем эту тать! – догадалась обрадовавшаяся Лада.

– Ай да молодец, ты Гурка! Не зря тебя так сам воевода ценил, – подвела итог Ядя.

– Завтра снова в лес уйду, может, еще чего сыщу. А вечером к старосте схожу, обмозгуем все с ним. Но до того никому ни полслова о том, что я нашел.

Спустя час, как все разошлись, Лада еще долго вертелась на лавке. Находка отца тревожила, заставляла теряться в догадках. Кто ж мог оказаться волколаком? Если брать их деревню, то подозрение первым падает на знахарку Милаву. Кому, как ни ей ведомо о чарах да обращениях? Но Лада точно знала, что волколаком просто не может быть эта старая, пусть немного странная, но очень добрая женщина. Скорее уж этот молчаливый ведьмак, что одиноко живет в самой глуши. Хотя и он не раз помогал людям. А может кто из пришлых? Только в их деревне за последние три седмицы на постоялом дворе пять купцов обосновалось, охотники до рыбы вяленой, да до кожи выделанной. Еще бы, за такие товары туровские да рогачевские скупщики в три раза больше дадут. Только уж больно далече города эти. Внезапно, во дворе что-то треснуло, словно хворост под чужими ногами переломился. Испугавшись, Лада затаила дыхание. Но по тройному совиному уханью сразу поняла, что это Малк. Девица прислушалась к домашним звукам – малыши сопели, давно и крепко уснув, из родительской опочивальни не доносилось ни шороха. Лада тихонько поднялась и, накинув на рубаху гарсет, юркнула из хаты на улицу.

– Малк, ты где? – шепотом позвала в темноту Лада. Всего на год старше девицы, но довольно рослый для своих лет паренек вышел из-за угла. В бледных лучах ночного светила облик возлюбленного показался еще желаннее. Каштановые немного вьющиеся длинные волосы украшала плетеная кожаная лента. Красивые хорошо очерченные уста, от коих было так тяжело оторваться во время редких поцелуев, изогнулись в улыбке. Плечист, крепок. Да и ростом вышел сын мельника. Настоящий асил⁹ !

С напускной строгостью Лада спросила:

– Ты зачем пришел?

– А ты не ведаешь? – притянул к себе хрупкое тело возлюбленной сын мельника.

– А вот и не ведаю, – игриво ответила Лада, слабо упираясь. Вместо пояснений Малк запечатлел поцелуй на устах девицы. Но та, резко отстранившись, недовольно шикнула:

– Сначала замуж возьми, а уж потом целоваться лезь.

– Ладушка, ты ж знаешь, что я только тебя люблю. Ты самая пригожая на всем свете белом. Только такая жена как ты мне надобна, – Малк мигом растопил сердце своей избранницы: вот она уже и сама льнет, и за шею обнимает ласково.

– Ой, Малк, уходить тебе надобно! Отец домой вернулся. Увидит нас – шкуру с тебя сдерет!

– Да, слышал, я. Вот и добре, наконец, посвататься к тебе смогу.

В ответ Лада одарила милого поцелуем и тут же отстранилась, испугавшись собственной пылкости.

– А ведаешь, отец ведь сегодня целый день в лесу был, порядок наводил, да искал следы детей пропавших и животные краденной.

– Сыскал чего-нибудь? – заинтересовался Малк.

– Сыскал, но говорить, кому бы то ни было, не позволил.

– Я ж не кто-нибудь. Я – муж твой будущий!

– Ишь ты, шустрый какой! Еще не посватался, а уже муж.

– Ну, любая моя...

– Ладно-ладно. Все равно не скажу – пообещала я. Может он завтра еще чего обнаружит иль вообще виновника поймает. Намекну только, что волки здесь ни при чем. Это кое-кто пострашнее, – Лада осталась довольна, что сумела произвести впечатление на Малка. Тот присвистнул и стал вслух угадывать возможного виновника:

– Может медведь иль рысь?

– Не-а.

– Разбойники какие?

– Нет. Еще страшнее.

– Тогда ведьмак! – высказал самую жуткую догадку юноша, стерев со лба проступившие капли пота.

– При чем тут ведьмак? иль он тебе что-то плохое сделал? У тебя самого отец с ¹⁰Вирником¹⁰ знается, так может тогда это он?

– Вот выдумала! – обиделся Малк. – Мой отец к Лысой горе не летает, да мор насылать не умеет. Да, к тому ж и вовсе ведьмака не жалует!

– А когда ж это ты углядел, чтоб ведьмак на Лысую гору летал? Может ты ему компанию составлял?

– Что ты глупости говоришь?

– А то и говорю – нет доказательств, так нечего пустословить! Сам к бабке Милаве за травами бегал, когда ногу разбил, – разозлилась девица.

– Так то ж лекарка, а не ведьма. Разница!

– Тихо, – шикнула Лада, прислушиваясь к донесшемуся из хаты шуму, – кажись, ходит кто-то. Ступай лучше домой, а то дождемся – отец встанет...

– До завтра, моя любая, – прошептал Малк, снова потянувшись к девице за поцелуем, но та, ловко увернувшись, указала ему на ворота и, не дожидаясь, пока юноша покинет двор, тенью скользнула в хату. Там раскинулась тишина. Даже братишки не сопели. Что-то метнулось в сторону, но внимательный девичий взгляд так ничего и не сумел различить. Видать, показалось.

Дорогой читатель, если тебе интересно и ты ждешь продолжения,
дай знать в комментариях

Глава 2 Происшествие

Дорога домой была легкой и приятной. Малк словно летел на одолженных у Любмела¹¹ крыльях. Юношеская любовь вытеснила даже мысли о том, что выяснил дядька Гурка. Парень только и мог думать, что о Ладе, об объятьях нежных да поцелуях желанных. В груди еще трепетало. Малк с упоением позволил себе в сотый раз насладиться представленным образом возлюбленной – конечно, он не так хорош, как явь, но все же...

Гибкий стройный стан уже по-женски округлился. Бездонные, будто небо в погожий день, глаза чаровали чистотой и прозорливостью. Крылья чуть вздернутого маленького носика дрожали, вдыхая воздух, словно мотылек. Пухлые губки, сладостью которых невозможно было насытиться, дурманили поцелуями. А если распустить густые русые волосы, так все гаевки¹² да озерницы¹³ от зависти с ума сойдут. Не зря ненаглядную Малка в честь богини любви, красоты и плодородия называли. Повезло ему с невестой. Нужно завтра же сватов заслать! Эх, нет... Придется подождать, пока эти таинственные зловключения не кончатся.

И что ж творится-то в деревне? Хоть бы скорее эту гадину изловили. Хорошо, кабы Малк сам ее заарканил. Тогда бы Лада больше над ним не посмеивалась. Тогда бы он первым парнем на деревне стал и самым достойным женихом для такой умницы и прелестницы. А то сын постояличихи уж слишком часто на Ладушку заглядывается. Подарки, нахалюга, носит. Неровен час, так и вовсе изловчится да уведет ее. От таких мыслей у Малка руки сами собой сжались в кулаки, а как вспомнил похвалу, которой не раз удостаивался златовласый сын хозяйки постоялого двора от Лады, так и вовсе кого-нибудь поколотить захотелось. И лучше, чтоб этим кем-нибудь и оказался этот новоявленный соперник. Нет, надобно как можно скорее засылать сватов! Препон со стороны родителей не будет – отец Малка всегда с отцом Лады дружили – противиться не станут.

Уже почти добравшись до реки, где размеренно поскрипывала грузная мельница, юноша уловил какой-то странный звук со стороны леса, будто сдавленное мычание. Малк обернулся: в пролеске явно что-то происходило. Вот только разобрать что именно в свете луны, прячущейся в облаках, да среди густо растущих, хоть и слабо одетых деревьев, не удавалось. Кто-то снова замычал, потом глухо стукнуло – и все стихло. Парень, сжимая отцовский нож, бросился в лес, возможно, кому-то на подмогу, а заодно и злобу на сына постояличихи выместить. Волк не волк, рысь не рысь, да даже если разбойник – туго ему придется! Образ златовласого красавца затмил все страхи.

Голые кроны закрывали тусклые лучи ночного светила. Малк остановился и прислушался. Ни мычания, ни стука больше не слышалось. Ночь полностью укрыла необъяснимое происшествие. Он еще немного побродил в том пролеске, но обнаружить ничего так и не сумел. Двигаться вглубь чащи было бессмысленно и небезопасно. Клинок вернулся в кожаные ножны. Пожалуй, стоит подождать до утра. Завтра же на зарнице Малк воротится и обязательно выяснит, что тут совершилось. И не важно человек то или хищный зверь злодействовал – все одно следы какие-нибудь отыщутся.

Юноша заночевал в стоге прошлогоднего сена рядом с хлебом: вдруг ночной гость попытается на скот напасть.

Надеясь на чуткость слуха, Малк смежил веки и поплыл в царство Дремы. Больше этой ночью ничего не случилось, а возможно крепкий сон просто не позволил о том узнать.

– Люди добрые-е, да что ж это делается-я! – заголосила на всю округу дородная баба с первыми лучами солнца. – Когда ж все это кончится-я? Когда ж людям добрым покой настанет?

– Что случилось, Нюра? – обеспокоенно спросила пожилая соседка, явившаяся на вопль.

– Ой, что случилось! Случилось, люди добрые-е-е! – продолжала громко реветь баба, ожидая, пока как можно больше народу не подойдет, и не увидит ее горе.

Весть мигом разлетелась по деревне и местные зеваки, уже не уместаясь во дворе, толпились у распахнутых ворот.

– Да, хватит причитать! Объясни толком, – твердо произнес староста Андрусь, худошавый русский мужчина, еще лет двадцать назад перешагнувший большую половину своей жизни.

– О-о-ой... – снова затянула Нюра.

– Ну, цыц, я сказал, рассказывай толком! – рассердился Андрусь.

Слезы мгновенно высохли, но гримаса скорби так и не покинула круглого румяного лица.

– У меня коровка три дня назад отелилась. Малыш такой славный, такой крепкий вышел. Сразу на ножки встал. Пятнышко у него такое красивое на головке было, словно сердечко. Я ж его полюби-и-ила. Самое лучшее место для буренушки и ее теля отве-е-ела. Утром пришла, чтоб скотину на пастбище выгнать, ой люди добрые-е-е... – рассказ снова перешел в вой.

Староста успокоил загулявшие желваки и с трудом продолжил слушать причитания.

– А теленочек пропал, украли нечистики-и. Ни полслова, ни полхруста не донесло-ось.

– Видать, крепко спишь, Нюрка, – пошутил деревенский пьянчуга.

– Много ты знаешь! Иди, сам проспись прежде, – отбрехала баба.

– Твой вой мертвого на ноги поднимет, где уж тут выспишься? – ответил тот.

– Ну-ка, уgomонитесь! – пригрозил староста. Он как никто понимал, что если это все не прекратится, князь с него первого голову снимет. – Так, слушайте меня внимательно. С этой ночи дома на замки запирайте, хлева тоже, если не хотите животину свою потерять. С темнотой на улицу ни ногой! За дитями особый догляд!

На последних словах вдова Марьяна уронила голову на ладони и затряслась в беззвучных рыданиях.

– Ну, полно тебе, Марьяша, все образуется, найдется дочка твоя, – попытался утешить несчастную женщину староста. Крепкие бабьи руки обняли плечики вдовицы и утанули вглубь толпы.

– Сейчас все мужики возвращайтесь в хаты, вооружайтесь. Через час встречаемся у мельницы, в лес пойдем. Авось по свежим следам, что и обнаружим. Я пока за лесничим схожу, – объявил староста.

– Ой, бабаныки, Гурка ж вернулся, теперь мы точно этого волка-людоеда найдем! – кто-то воодушевляющее воскликнул в толпе.

– И то, правда, – поддержали люди.

– Давайте-давайте, расходитесь, не будем терять время, – скомандовал Андрусь и направился к лесничему.

Лада снова поднялась до рассвета, надеясь застать уход отца, но ей опять это не удалось. Что ж, если Гурка брался за дело, то всегда выполнял его так хорошо, как только мог, и даже лучше. Тем паче на кону стояла необъяснимая пропажа детей и животины.

Девушка подошла к еще спящим братьям и скомандовала:

– Подъем!

Мальши даже век не открыли. Лада подумала, что они притворяются и решила малость припугнуть:

– Вот сейчас мамка подойдет, она вам покажет!

Но ее слова будто и не слышали. Тогда Лада резко стянула с ребятни одеяло – сейчас как потащат его обратно... Но дети даже не шелохнулись. Сестрица настороженно всмотрелась в спящие мордашки и прошептала:

– Надо же, белее мела.

В хрупких тельцах едва угадывалось редкое дыхание. По спине девицы покатались капли холодного пота. Плохое предчувствие закралось в голову.

– Эй, Юрась, проснись, – затрясла она старшего из братьев.

Мальчик с трудом открыл глаза и мутным взором уставился на сестру.

– Ты, что заболел?

Ребенок слабо пошевелил губами, но, так и не издав ни звука, снова забылся сном. Близнецов Лада и вовсе не сумела добудиться. Бросилась за подмогой к матери в опочивальню, но та подобно малышам почти бездыханно бледнела на фоне льняных простыней.

– Мир вам в хату! – донесся со двора громкий голос старосты.

Лада опрометью выскочила на улицу.

– Дядька Андрусь, помоги! – вместо приветствия и поклона воскликнула девица.

– Что случилось? – забеспокоился тот.

– Мамка и братья сном болезненным забылись, добудиться не могу. Лежат словно мертвые, еле дышат, – на глаза Лады навернулись слезы.

– Погодь, дочка, не плачь. А Гурка где?

– Он второй день в лесу злодея ищет. Обещался к тебе вечером зайти, – Лада смахнула соленые дорожки и взяла себя в руки.

– Нашел чего?

– Нашел, но сказал, что сам все расскажет.

– Ладно, пойдем в хату, поглядим, что стряслось.

Староста приблизился к спящим малышам, потрогал холодные лобики. Какое-то время, вглядываясь в личики, словно чаял там найти ответ, и лишь растерянно покачал головой.

– Давай к Яде сходим.

Девица на мгновение заколебалась. Андрусь правильно расценил ее нерешительность и заверил:

– Что ты, Лада, я ж с добром. К тому ж мне уж сколько лет... вон внуков впору воспитывать. Да и ты подле.

Лада кивнула и провела старосту к матери. Андрусь потрогал щеку больной, но та даже не подала признаков жизни.

– Она прежним днем тоже болела, но к обеду поднялась, а к вечеру и вовсе как прежняя стала.

– Странно все это, – буркнул староста.

Уже на крыльце Андрусь заявил:

– Вот, что Лада, беги-ка ты к знахарке Милаве. Пусть она придет, поглядит. А я пока здесь побуду. Да поспеши, мы с мужиками в лес собрались – у Нюры теле ночью пропало. Может, по свежим следам сумеем отыскать.

Лада кивнула и прытью понеслась к лекарке. В голове билась только одна мысль: лишь бы Милава дома была.

Малка разбудил оживленный мужской разговор. Судя по голосам, беседовали или скорее спорили трое. По характерной хрипотце юноша узнал среди них отца. Малк потянулся всем телом, провожая последнюю ночную грезу, и поднялся. Отряхнул сухую траву и пошел к мужчинам. По пути решил, что отцовского нагоняя не миновать: ночевать домой не явился, куда ушел вечером, не просветил. Однако маячащая в воздухе расправа мало беспокоила, куда важнее казалось раскрыть ночное происшествие.

Коротко поприветствовав собравшихся кивком, Малк весь обратился в слух. Отец лишь вскользь глянул на изволившего-таки явиться сына. Из обрывков фраз парень узнал о пропаже Нюрки. И тут его осенило – вот, чье мычание он различил ночью!

– А я думаю, что глупо идти невесть куда невесть за чем, – отстаивал собственную правоту седовласый мельник. – Лес огромен, если мы детей да взрослый скот до сих пор не нашли, что говорить о теленке?

– Да ты никак трусишь? Былую хватку потерял, – попытался подначить светловолосый кузнец.

– Ладно, с чего вы собираетесь начать? – пропустил колкость кузнеца мельник. Мужчины пожали плечами, но тут же нашлись с ответом:

– Староста придет и скажет!

– Я знаю, откуда начать, батя! – вклинился в разговор юноша.

– Ты? – мужчины недоверчиво воззрились на нового собеседника.

– Да, я! – подтвердил тот.

– И откуда тебе это ведомо? – подозрительно переспросил кузнец.

Малк быстро рассказал о том, что вчера ночью слышал, но так и не смог разглядеть.

– Так вот где тебя нечистики носили! – подытожил мельник, пригладив крепкой рукой седую прядь. – Мать все глаза выплакала, думала, что единственный сын пропал. А ты, стало быть, решил в одиночку героя из себя строить.

– Ну, батя...

– Цыц! Ладно, пойдем, покажешь, где это случилось.

– Погодь, надобно всех дожидаться, мало ли с чем придется столкнуться, – воспротивился кузнец. Второй мужик мелко закивал.

– М-да... Храбрецы, – заключил мельник.

– Это не из-за страха, – запротестовал светловолосый мастер.

– Я так и понял, – усмехнулся отец Малка, оглядывая нехитрое вооружение деревенских мужиков: вилы да грабли. Кузнец, а и тот даже меча взять не догадался. Хотя на кой ляд надобен меч, если мастер с подковами еле-еле справляется? Хвала богам, хоть сын его кузнечим делом владеет, истинную тайну железа ведаёт. Не то бы пришлось даже за вилами в чужие селения ездить, не говоря о хитром механизме мельницы. Правда, трусоват паренек. Вот кабы отца с сыном вместе сложить – добрый бы человек вышел.

– Приказы старосты не обсуждаются, – помог кузнецу друг.

– Тогда ждите. Нас кликните, когда в поход пойдете, – и снова в бронзовых глазах седовласого мужчины заплясали насмешливые огоньки.

– А вы это куда? – стушевались деревенские смельчаки.

– Пойдем лопатами разживемся, а то вилы и грабли у вас уже есть, – захохотал мельник.

Малк улыбнулся и показал деревенским воинам свой нож – вот какое снаряжение должно быть, а то и лук с верной стрелой не помешал бы. Мужики густо покраснели, но решили последовать примеру мельника и тоже направились в хаты за оружием посерьезнее.

– Эх, серый. Кабы тебя обычный человек заговорил, то одной жалости хватило бы для обращения к прежнему облику. Но тут чары страшной силы, – заключила старая лекарка, бережно перебирая в плетеной корзине, словно самоцветы, редкие травы. Покоившийся у ее ног волколак, тоненько поскуливал.

– Да, погодь, сейчас мы с тобой вот что испробуем. Лежи, – Милава аккуратно отставила корзину и встала с лавки. Обойдя волколака, она открыла сундук и вытащила какую-то одежду. Затем вместе с ней спряталась за простыней, переброшенной через веревку. Там пожилая женщина скинула с себя рубаху и надорвала ее в нескольких местах. Облачившись в новую, она вернулась к спокойно ожидавшему волколаку и набросила на него льняное рваньё. Матерый зверюга не воспротивился. Милава несколько раз пробормотала что-то под нос, а потом рывком стянула тряпье с мохнатой плоти. Не вышло: шкура все так же покрывала тело переверну-

того, а морда не подавала и признаков обратного перевоплощения в человека. Волколак вновь заскулил.

– Да ты не расстраивайся. Есть у меня на примете еще одно заклинание, его и пустим в ход. Эх, кабы знать, кто именно тебя перевернул, тогда бы я быстро справилась, а так придется тебе пока и дальше сырой плотью живиться.

– Тетка Милава! Тетка Милава! – издалека послышался звонкий голос.

Знахарка с девчачьей проворностью схватила расшитый рунами рушник и накрыла им разложенные по кучкам душистые травы да порошки.

– Ступай, милоч, спрячься в лесу, – обратилась она к волку.

Тот послушно отворил мордой окно и в один прыжок скрылся среди пышных елей. Благо, изба лекарки располагалась на самой границе деревни, наполовину в лесу – и к богам с духами ближе и от людей недалеко.

– Тетка Милава, ты дома? – спросил тот же голос, но уже значительно ближе.

– Дома, дома. Где ж мне еще быть? – негромко ответила женщина. – Заходи, девонька, дверь не заперта.

Раскрасневшаяся от бега Лада вошла в избу и, заметив старуху, поклонилась, коснувшись рукой пола. А как выпрямилась, так и наткнулась на теплый внимательный взгляд двух угольков. Лицо лекарки, словно паутинкой, увивали многочисленные морщинки, а вот очей возраст не коснулся. Девушка, не дожидаясь расспросов и дозволения сказать, выпалила:

– Тетка Милава, помоги! Мамка и братья глубоким сном забылись, добудиться все утро не могу. И староста пробовал – да все бестолку. Не знаю, что и делать, – со слезами полились из сапфировых глаз.

– Погодь, Ладушка, не плачь. Расскажи подробней, – старуха жестом подозвала гостью к себе и усадила рядом.

– Я сегодня встала с утра, пошла мамку будить, а она не шелохнулась даже. И теперича не шевелится. Лицо без кровинки, губы белые. С братьями такое же лихо. Юрась попытался очи разлепить, но потом снова в сон провалился. Вчера мамка тоже с трудом проснулась, до полудня болела. Я даже подумала, что к тебе придется идти. Но к вечеру она расходилась. Велела никому не рассказывать, даже отцу.

– А сам Гурка где? – полюбопытствовала Милава.

– Он второй день в лесу ищет того, кто детей да скот ворует.

– Нашел что?

– Да, но мне возбранил об этом говорить, как разберется, сам расскажет, – упредила возможные расспросы Лада.

– Что ж, детка, я сейчас кое-что подсоберу. А ты меня во дворе обожди.

Лада покорно вышла из хижины. Недолгое ожидание мерещилось вечностью. Пытаясь занять себя, она обошла избу и, укрываясь за углом, увидела странную картину – Милава высунулась в окно и, словно обращаясь к лесу, тихонько заговорила:

– Я по делам пойду, а ты пока рядом по лесу побегай. Да, смотри людям на глаза не попадайся. Вернись, дам знать.

Девушка готова была поклясться, что увидела, как за ближайшей елью мелькнула мощная спина серого.

Надо же с волками знается... А вдруг это и не волк совсем? А волколак! Тот, чьи ножи отец домой принес. Обратиться назад в человека не получается вот и прибежал подмоги у ворожеи просить. Нет, так не пойдет! Нельзя же все под одну гребенку грести. В каждом недруга выискивать, прямо как Малк. Правду говорят – с кем поведешься, от того и наберешься.

Девушка отогнала от себя слишком очевидное предположение и попыталась сосредоточиться на мамке с братьями, но мысль оказалась цеплючей, как репейник. Всю дорогу до дома Лада украдкой поглядывала на знахарку, словно надеялась, что та возьмет да и опровергнет

страшную догадку. Однако лекарка не чувствовала вопросительно-пытливых взглядов спутницы. Или только делала вид.

– Ну, вот и вы, хвала Дажбогу¹⁴. Теперь я могу уйти.

– А куда же ты, дядька Андрусь? – при всем добром отношении к старой ворожее, Ладе не хотелось оставаться с ней наедине. Девушка немного робела перед тем, чего не совсем понимала. Да и кто бы не робел?

– Меня мужики у мельницы ждут – в лес пойдем, искать пропавшего теленка Нюры. Авось повезет, и заарканим злодея. Да все это кончится, наконец.

– Иди-иди, Андрусь, мы тут без тебя управимся, – заверила лекарка.

Лада, не подавая виду, нехотя проводила худощавую фигуру старосты и плотно затворила за ним дверь по указке Милавы, а потом и все окна.

– Начну с ребятни, а ты подай-ка мне теплой воды да чистое полотенце.

Лекарка растворила в принесенной Ладой воде какой-то порошок, потом вымыла руки и насухо обтерла. Девушке велела сделать то же самое.

– Так, мои милые, сейчас поглядим, что за хворь вас тут побила, – знахарка подошла к спящим малышам и, нежно проведя по их лобикам, убедилась в словах Лады – холодны, точно мертвые. Женщина задрала рубаху одного из близнецов и стала внимательно осматривать хрупкое тельце. На груди, над самым сердцем зияла едва различимая, только затянувшаяся спекшейся кровью ранка-дырочка.

– Вот те раз, – ужаснулась лекарка.

– Что, что такое? – испугалась Лада. – Неужто оспа?

– Погодь, девонька, не мешай, – женщина задрала рубахи остальным малышам и нашла у них точно такие же отметины. – Пойдем, я мамку твою осматрю.

Лада спешно проводила лекарку в родительскую опочивальню. Ядю с трудом можно было различить среди белых простыней. Как и мальчики, она до сих пор не сменила позы. Ворожее, развязала тесьму расшитой льняной рубахи молодой женщины и аккуратно между грудей различила маленькую красную точку. Не говоря ни слова, знахарка вернулась к малышам, подле которых оставила корзину. Недолго поковырялась в ее содержимом и извлекла несколько сушеных травинков да листиков. Закинула их себе в рот и зашевелила челюстями.

Лада села рядом и, приподняв брови, уставилась на ворожее. Та, заметив немой вопрос, жестом возбранила девушку разговаривать. Дочь лесничего вся извелась, пока лекарка, монотонно покачиваясь, жевала травы. На какой-то миг даже показалось, что та просто издевается. Лада постоянно бросала обеспокоенные взгляды то на братьев, то в сторону открытой двери в родительскую опочивальню. На ворожее она почему-то больше не решалась смотреть. А знахарка продолжала жевать. Про себя она возносила молитвы к Дажбогу и читала заклинания. Когда лекарство подоспело, женщина выплюнула его в ладонь и разделила на четыре части. Каждый кусочек целебной кашицы она по очереди приложила к ранкам больных. Ладе же велела нарвать лоскутов и закрепить ими лекарство.

– К ночи иль поутру проснутся, – заключила ворожее и обессилено села на лавку.

– Тетка Милава, что с ними?

Немного помолчав, ворожее ответила:

– Из твоих родных какой-то нечистик темнотой соки жизненные пьет.

– Вот ужас-то! – выпучила глаза девушка. – А почему ж меня и отца не трогает?

– Сама не пойму... – знахарка снова помолчала, а потом все-таки высказала догадку. – Может, он это делает, когда тебя и отца в избе нет?

– Но мы ж всегда дома вместе.

– Хорошенько поразмысли, не выходила ли ты из хаты сегодня ночью?

Девушка так и не смогла припомнить, чтобы куда-то отлучалась и отрицательно покачала головой.

– А встала ты, когда сегодня?

И тут Ладу осенило – и сегодня и вчера она встала до рассвета – когда солнце еще пряталось под землей. Она тут же рассказала об этом знахарке.

– Но почему ж тогда этот нечистик вчера мальцов не тронул? – удивилась Лада.

– Кто ж его разберет? Здесь вот что важно: надо вас обезопасить. Ведь он и сегодня может явиться.

– А что же делать?

– На, вот.

Лада взяла из рук знахарки черную восковую палочку.

– Перво-наперво, еще до темноты запри плотно все двери и окна. Сама спать не ложись. Зажги эту свечу и спрячь на ночь, под какой-нибудь перевернутой посудинкой. После полуночи час от часу осветляй ей избу, чтобы сделать нечистика видимым. Вот тогда хватай осиновое полено и лупи незваного гостя со всей мочи, и боле он в вашу хату не придет. Если сама трусишь, попроси подмоги у отца.

– Пожалуй, я так и сделаю.

– Мамке и мальчикам не рассказывай, они и без того слабы будут – лишние страхи им ни к чему. Хорошо, если вообще к ночи сил наберутся.

– Но ведь они... С ними ничего не случится? – со страхом и надеждой спросила девица.

– Если нечистика сегодня не подпустишь, то все будет хорошо – кашка поможет. Ладно, деванька, пойду я. У меня еще дел невпроворот.

Перед Ладой сразу появился образ волка. И подозрение тут же смыло рябь благодарности к ворожее. Но девица предпочла промолчать. Да и в чем обвинять? Лада метнулась в погреб и щедро отплатила знахарке за услугу. Девица заметила, как загорелись глаза-угольки при виде щедрого куска вяленого мяса и крынки молока. Небось, будет теперь чем волколака потчевать.

Ладу, сосредоточившуюся на удаляющейся фигурке, неожиданно пронзила мысль: «А что если вороже все выдумала? Вдруг никакого нечистика и не существовало? Что если она своего друга-волколака прикрывает? Специально меня запугала, чтобы я все отцу рассказала. Отец ведь тогда спать не станет, всю ночь нечистика прождет, а утром в лес пойти не сможет. А если все ж пойдет, то будет сонным, невнимательным. Волколак к нему подкрадется и... Нет уж, сама управлюсь! Вот бы только с Малком переговорить». Лада еще раз обошла всех больных и с радостью обнаружила, что их щеки заметно порозовели, а кожа потеплела. Мамка даже перевернулась на бок. Повеселевшая девица выскочила во двор и помчалась к мельнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.